

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ИНСТИТУТАХ

В.С. Чеботарев

Социальные организации и институты представляют собой особый тип социальных систем. Их особенность в том, что они создаются («учреждаются») людьми сознательно, ради достижения определенных целей, т.е. изначально имеют целевую направленность. По характеристике А.И. Пригожина, «организации действительно являются целевыми социальными системами, это их характерный признак. Достижение цели есть конечный результат их деятельности... организация есть целевая общность» (Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М., 1995. – С.46).

Организация – это прежде всего объединение людей – добровольное или учреждаемое вышестоящей системой, – но само собой разумеется, что оно осуществляется на материальной основе – концентрации производственных, финансовых, информационных ресурсов. Смысл организационной деятельности заключается в том, чтобы, согласованно управляя людьми и ресурсами, достигать поставленной цели. Управление – стержень организации, главное условие и средство достижения организационного эффекта – целеосуществления.

Условием и составным элементом управленческой деятельности является прогнозирование. Это объясняется двумя главными.

1. Необходимостью определения, обоснования верификация целей. Мы говорим – «целей», а не «цели», так как, кроме главной цели, определяются ведущие к ней и поэтапно достигаемые промежуточные цели. Выстраивается пирамида или «дерево целей». Все они должны быть верифицированы, т.е. проверены на предмет их соответствия, соразмерности имеющимся и потенциально возможными ресурсами. В идеале цели должны быть занижены или завышены. При значительном отклонении в ту или другую сторону возникает опасность дисфункции организационной деятельности. Чтобы не допустить этого, необходимо моделирование целеосуществимости в будущем времени и функциональном пространстве.

2. Необходимо также моделирование всего процесса целеосуществления на всех его этапах – промежуточных и конечном – с учетом нормы человеческих, материальных и прочих затрат на каждом этапе. Такое моделирование-прогнозирование принято считать нормативным. Автор не разъясняет смысл приятия «нормативное прогнозирование», поскольку оно определялось в работах ряда авторов (см., напр., Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. – М., 1987), и именно оно характерно для организаций в качестве фактора управления, поскольку является источником информации управляющей подсистемы для планирования, принятия решений, контроля их исполнения и прочих управляющих действий. Прогнозирование такого рода, используя термин, предложенный В.К. Канарейкиным (см.: Канарейкин В.К. Технология социального предвидения в управлении общественными процессами // Технологии социального управления: Материалы научно-практической конференции в г. Белгороде 21-22 апреля 1995 года. – Москва-Белгород, 1995. – С. 84), можно было бы назвать предугадательным, так как информация о будущем процессе целеосуществления программирует деятельность субъекта управления по принципу «от будущего к настоящему».

Это программирование выливается в разработку конкретных целевых программ, планов, графиков и т.п., которые отличаются от нормативных прогнозов скорее по форме, чем по содержанию – однозначностью выбора и «директивной» установкой, в то время, как

прогнозы выполняют прежде всего аналитически-исследовательскую функцию, описывая вероятность различных траекторий объектов прогнозирования. Неисполнение программ и планов справедливо считается наиболее опасным организационным дефектом. Однако в отношении неисполнения прогнозов подобное суждение нуждается в существенных оговорках и будет правомерным далеко не во всех случаях. Во-первых, в любом прогнозе предусматривается определенная вероятность его неосуществления. Во-вторых, прогноз может быть разработан за пределами данной организации – например, в вышестоящей инстанции или независимыми экспертами, – и тогда организация не может нести ответственность за его качество. Здесь важно учитывать, что субъекты управления и субъекты прогнозирования необязательно одни и те же лица. В-третьих, есть прогнозы, которые разрабатываются как раз для того, чтобы их не осуществлять. Имеются в виду негативные для организации прогнозы: например, банкротство предприятия, организационная патология, сужение рынка сбыта продукции или что-либо в этом роде.

Прогнозы – как позитивные, так и негативные – являются не только средством программирования и организации целенаправленной деятельности, но и фактом активизации сознания и воли работников при условии, что индивидуальные интересы и цели последних сочетаются с целями организации в целом, ее руководящего ядра. Они становятся стимулом наращивания усилий членов организации по ускоренному и более полному осуществлению благоприятных возможностей и блокированию неблагоприятных. Эту функцию прогнозов нередко используют нечестные дельцы и махинаторы, которые с помощью ложных, но привлекательных для неискушенных и доверительных людей прожектов, вовлекают их в различного рода авантюры – типа финансовых пирамид, инвестиционных фондов, ваучерной приватизации и т.п. В результате миллионы людей бывают безнаказанно обмануты, лишены своих трудовых сбережений и прав на общенародную собственность.

Социальные организации являются частями (подсистемами) больших социальных систем, охватывающих определенные сферы, отрасли экономики, политики, культуры. Поэтому прогнозы в рамках организаций существенно зависят от «условий на входе», определяемых вышестоящими структурами. Так, если речь идет о бюджетных организациях, то в наше время прогноз их функционирования в решающей степени зависит от объема финансирования из государственного и регионального бюджетов. Поскольку эта «шагрeneвая кожа» непрерывно урезается, то бюджетные организации, в частности, государственные вузы вынуждены искать дополнительные способы зарабатывания денег. Решение этой задачи в свою очередь требует проведения поисковых прогнозных исследований, направленных на выявление дополнительных источников финансирования. Основным источником для вузов в нынешних условиях является введение платного обучения для некоторой части студентов. Нет нужды доказывать, насколько важно для жизнеобеспечения вуза прогнозировать функционирование этого источника на перспективу: динамику количества абитуриентов, которые поступят на платное обучение, какая их часть будет поступать в другие вузы региона, какие факультеты, специальности будут наиболее дефицитными и предпочтительными для платного обучения и т.п.

Технологии проведения прогнозных исследований значительно усложняются, если они проводятся в масштабах социальных институтов. Социальный институт – это организация организаций. Соответственно резко возрастает количество направлений, нуждающихся в разработке прогнозов, число объектов, субъектов, факторов, функциональных пространств прогнозирования. Данная ситуация требует, чтобы прогнозирование было выделено в специальную отрасль управленческой деятельности и осуществлялось компетентными специалистами. Не случайно во второй половине XX-го века увеличилась численность всевозможных служб, комитетов, исследовательских центров, советов всех уровней, занимающихся разработкой прогнозов по различным направлениям экономического и

социокультурного развития, планированием политики, международных отношений, прогнозированием экологических изменений и других процессов. Создаются международные организации, занимающиеся прогнозными исследованиями, такие, как Римский клуб, Всемирная Академия будущихостей. Всемирная федерация исследований будущего. Определенные шаги в этом направлении были предприняты и в России. Подразделения, ведущие прогностические исследования, функционируют в составе Института социально-политических исследований РАН, Госкомстата РФ, Института экономики РАН, Института социологических исследований РАН, ряда министерств и ведомств (МВД, Минздрав, Министерство экономики и др.), при Федеральном Собрании и Правительстве РФ и во многих других учреждениях. Существуют и частные фирмы, специализирующиеся на разработке прогнозов. Аналогичные структуры имеются также в региональных органах власти. Так в составе администрации Белгородской области разработкой экономических прогнозов занимается Департамент экономики и прогнозирования, входящий составной частью в Комитет экономики развития области.

Однако некоторые важные участки этой деятельности ослаблены. Причины? Прежде всего отсутствие средств для финансирования, а нередко – и субъективная недооценка роли прогностических исследований руководителями высокого ранга, от которых зависит их организация и финансирование. В частности, Б.С. Гершунский справедливо характеризует как «крайне недалёковидные» акции Президиума Российской Академии образования, направленные на свертывание прогностических исследований в сфере образования, закрытие специализированной лаборатории, сокращение специалистов в области образовательно-педагогической прогностики (см.: Гершунский Б.С. *Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций)*. – М., 1998. – С.219). Мы вполне разделяем его вывод, что явно недостаточное внимание к этим исследованиям – «одна из главных причин провала перманентно проводимых реформ в сфере образования...» (см.: Там же. – С.218). Нынешние «прорабы реформ» игнорируют тот очевидный факт, что образовательная деятельность является главной магистралью движения в будущее. Она по своему содержанию сути означает социальное предвидение в действии и может быть продуктивной лишь при условии, если педагоги и руководители образовательных учреждений в достаточной мере представляют себе, какие требования – гражданские и профессиональные – будут предъявлены к их воспитанникам в XXI веке, на какие модели специалистов следует ориентироваться, что и как преподавать, какие обучающие технологии внедрять и т.д.

Конечно, обоснованность прогнозов в данной сфере обусловлена разработкой концепции будущего для российского общества в целом: какое общество и государство мы строим? По нашему убеждению, единого концептуального обоснованного ответа на него в ближайшие 10-20 лет мы не получим. Будут конкурировать несколько основных моделей (сценариев будущего России, коррелирующихся с интересами разноориентированных социальных сил и этносов). Это нельзя объяснить исключительно различием интересов и неудовлетворительной работой теоретиков. Такова объективная ситуация, сложившаяся в итоге взаимодействия факторов российской истории XIX-XX веков. Россия объективно стоит на перепутье, в положении Ивана-царевича, которому предстоял выбор одной из трех дорог. Поэтому задача теоретической работы заключается в том, чтобы исследовать, «вычислить» последствия любого возможного выбора, «цену» предлагаемых преобразований.

Что же касается концепции образования, то она не должна быть жестко подчинена какой-либо из моделей развития социального организма в целом. Здесь надо учитывать не только связи «от общего к частному», но и обратные. То есть, разработка «Философии образования XXI века» может создать предпосылки для предвидения некоторых черт

предпочтительной модели будущего Российского общества. Это возможно при условии выполнения некоторых требований.

Первое: в ситуации, когда мы не имеем «главного идеала» – апробированной концепции будущего общества в целом, – проекты образовательно-педагогических преобразований необходимо ориентировать на пошаговый самогенерирующий прогноз. Пошаговый – в том смысле, что мы не должны быть максималистами и действовать по принципу: «ничего, кроме самого лучшего» – тем более, если это «лучшее» навязывается не в меру ретивыми реформаторами или появляется на свет как порождение очередной утопической доктрины. В ситуации кризиса, на наш взгляд, предпочтительнее стратегия последовательных реформ – шагов, направленных на совершенствование отдельных сторон данного социального института – с учетом его естественной эволюции как части социально-исторического организма.

Говоря о самогенерирующем прогнозе, мы имеем в виду, что он детерминруется не только поставленными целями, но и наличными положительными (апробированными) результатами. Это – как переход через болото: выбор места для следующего шага определяется не только конечной целью – перейти болото, – но и тем местом, где мы стоим в данный момент.

Такой способ прогнозирования позволяет реализовать второе важное требование: проектируя новое, не разрушай хорошее старое. Исторический опыт России свидетельствует, что этот принцип в большинстве случаев отбрасывался отечественными революционерами и реформаторами, что приводило к перманентной смуте. Уместно по данному поводу привести высказывание известного в Белгородской области публициста В. Колпина: «Бросается в глаза сходство революционеров октябрьского и августовского призывов. У Троцкого и Бухарина, Гайдара и Чубайса одна система ценностей, одни постулаты: лес рубят – щепки летят, цель оправдывает средства. У тех и других – стремление подчинить жизнь схеме, верховенство теории, ненависть к недавнему прошлому, безжалостное отношение к тем, кому нет места в счастливом будущем» (Колпин В. В плену мифов // Белгородская правда. – 1998. – 25 июля).

Анализируя теорию и практику преобразований российского общества в XX веке, Ю.Ф. Сафонов в своих работах показал, что она характеризуется дисгармонией между разрушительным и созидательным началами с явным перекосом в сторону разрушения (см.: Сафонов Ю.Ф. Взаимосвязь социально-культурной практики и философии: опыт России XX века. – Белгород, 1998. – С.66-67). Эта практика получила философское оправдание в виде «диалектической концепции развития» – с обязательным «уничтожением старого качества», «перерывами постепенности», «борьбой противоположностей» – именно такая концепция развития, как подчеркивал В.И. Ленин, жизненна (см.: Полн. собр. соч. – Т. 29. – С.317).

Развитие же «как простое увеличение или уменьшение», по его мнению, «нежизненно».

Мы считаем, что эти высказывания В.И. Ленина не следует абсолютизировать. Его отношение к философии обуславливается политической ориентацией. Он искал в диалектике Гегеля и марксизме прежде всего метод разрешения практических проблем революционной борьбы и строительства социалистического общества. Интерпретация диалектики В.И. Лениным, его представления о социально-историческом процессе пронизаны духом классовой борьбы. Поэтому в его понимании «борьба противоположностей» имеет «абсолютный» характер, в отличие от их единства, которое «относительно». Но данная формула не может иметь всеобщего характера. Она неприменима и опасна в условиях современного мира, когда любое обострение противоположностей между субъектами мирового процесса может бросить человечество в пучину необратимых катастроф. Предпосылкой социально-исторического прогнозирования должна быть другая диалектика, которая исходила бы из принципов кумулятивности, сбалансированности, устойчивости

социального развития, исключая «перерывы постепенности», катаклизмы любого рода и предполагающих сохранение, накопление и использование положительного социокультурного опыта, всего, что послужит обустройству человечества в грядущем столетии.

ПРОБЛЕМА ТОТАЛИТАРИЗМА В КУЛЬТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.П. Римский

Определение феномена тоталитаризма и его исследование необходимы для решения комплекса проблем, связанных с живой историей культуры, ее творческим созданием, многообразием и попытками типологизации культурно-цивилизационного материала, некоторого насилия над «потокотом культуры» и «потокотом истории». Поэтому представляется целесообразным обратиться к проблеме классификации культурно-цивилизационных типов как специфических формообразований и целостных систем, обладающих уникальными свойствами, которые и задают определенную диалектику прерывности-непрерывности в потоке культурно-исторических процессов. Разумеется, речь может идти прежде всего об *идеальных типах* в веберовском понимании, которые могут быть вычленены лишь на основе *системных аналогий, системных закономерностей* и в какой-то степени являются индифферентными по отношению к содержательным характеристикам эмпирических, конкретно-исторических систем, изучаемых специальными науками (историей, исторической психологией, этнографией, социологией культуры, исторической семиотикой и т.д.).

Для нас попытка построения классификации культурно-цивилизационных идеальных типов носит прикладной методологический характер и связана с исследованием классических и неклассических форм тоталитаризма в качестве специфических культурно-исторических целостнообразований. Определение тоталитаризма как социокультурной целостности и помещение этого уникального феномена в культурно-цивилизационный континуум поможет преодолеть те «историцистские» схемы, которые господствуют в современных подходах к исследованию тоталитарных систем. Если и признается какая-то культурно-цивилизационная или политико-идеологическая специфика тоталитаризма, то лишь в качестве *аномальности, вывиха, досадной помехи* на победоносном пути «прогрессивной европейской цивилизации» или «общечеловеческой цивилизации». При этом явно или неявно подразумевается, что «классическим тоталитаризмом» был «русско-советский». По отношению к итальянскому, испанскому фашизму или немецкому национал-социализму (а теперь даже и по отношению к китайскому тоталитаризму) сплошь и рядом делаются теоретико-методологические оговорки и идеологические реверансы.

Прежде всего хотелось бы остановиться на некоторых идеях М.К. Петрова, которые могут быть плодотворными при определенной модификации для создания культурно-цивилизационной типологии и выявления культурно-цивилизационных парадигм и моделей-формул. «Чтобы связать наличный весьма пестрый материал, – отмечал он, – который вскрыт самим ходом научно-технической революции как разнообразие типов культуры и, соответственно, разнообразие реакций на европейскую культуру, нам нужны универсальные основания для классификации и сравнения различных культур.

Одно основание здесь более или менее очевидно, это основание целостности... Иными словами, при всех условиях культура, к какому бы типу она не относилась, строится